

РОДИНА СМОТРЕЛА НА МЕНЯ

***14 декабря – 110 лет со дня рождения
иркутского поэта, писателя и журналиста
Джека Алтаузена
(1907 – 1942 гг.)***

Джек Алтаузен (первоначальное имя — Яков Моисеевич Алтаузен) — советский писатель, поэт и журналист, родился 14 декабря 1907 года на одном из Ленских приисков (Федосьевский прииск, ныне Бодайбинского района Иркутской области) в семье конюха и старателя Моисея Ицковича (Исаевича) Алтаузена, ссыльнопоселенца из Витебской губернии.

В одиннадцать лет, будущий писатель, по стечению обстоятельств попал в Китай. Жил в Харбине, Шанхае, работал мальчиком в гостиницах, продавал газеты, служил в качестве бота на пароходе, курсировавшем между Шанхаем и Гонконгом. Вместо прежнего имени Алтаузену было присвоено и записано в документ имя Джек. Позднее из Харбина Джек добрался до Читы, где встретился с Иосифом Уткиным, который помог ему добраться до Иркутска и принял участие в дальнейшей судьбе Алтаузена. В Иркутске он некоторое время работал на кожевенном заводе, на лесосплаве и одновременно восполнял пробелы в учении.

В конце 1922 года Алтаузен вступил в комсомол. В 1923 году было создано ИЛХО — Иркутское литературно-художественное объединение, в которое вошли Иосиф Уткин, Валерий Друзин, Джек Алтаузен, Иван Молчанов. В 1923 году по комсомольской путёвке приехал на учёбу в Москву, занимался в Литературно-художественном институте, где на него обратил внимание Валерий Брюсов. После закрытия института доучивался на ФОН МГУ. В конце 1920-х годов Алтаузен работал в редакции газеты «Комсомольская правда» в должности секретаря литературного отдела, которым тогда заведовал Иосиф Уткин. В ряду активных сотрудников газеты в то время был В. В. Маяковский, с которым, по поручению редакции, Алтаузен поддерживал постоянную связь; в редакции бывал и Эдуард Багрицкий. В 1934 году Джек Алтаузен стал членом Союза писателей СССР.

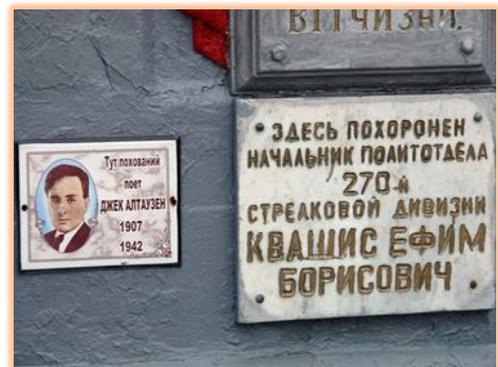
Когда в 1939 году началась Советско-финская война, Джек Алтаузен одним из первых подал заявление в Наркомат обороны. Он писал, что готов немедленно выехать для работы в печати действующей армии или в войсках как политрук. Разрешение он получил лишь в марте 1940 года и прибыл на Карельский перешеек, когда война уже заканчивалась.

С началом Великой Отечественной войны стал военным корреспондентом газеты «Боевая красноармейская» 12-й армии Юго-Западного фронта, затем работал в газете «Звезда Советов» 6-й армии. К годовщине Октябрьской революции он — первым из поэтов Великой Отечественной — был награждён орденом Красного Знамени. Военный совет армии специально заседал с необычной повесткой — заслушивались стихи и обсуждалась работа армейского поэта.

Погиб 27 мая 1942 года под Харьковом, участвуя в неудавшемся наступлении в районе Изюм—Барвенково—Лозовая. Тогда же погиб и приехавший с ним на фронт Михаил Розенфельд.

Почти 61 год после гибели Алтаузена сведения о месте его захоронения хранились в так называемом паспорте братской могилы в районном военкомате в числе 16 из 23 известных имён воинов, погибших или умерших от ран в 1942 году или в августе—сентябре 1943 года и похороненных в братской могиле села Надеждовка Лозовского района Харьковской области.

Отрывок из поэмы Джека Алтаузена «Повесть о капитане и китайчонке Лане» (1928) стал популярной песней, известной под названием «Большая страна Китай».

Из других песен на стихи Д. М. Алтаузена известны:

- ✓ «Бушует полярное море» («Полярный вальс», музыка Евгения Жарковского),
- ✓ «Во степи, степи просторной» (музыка Зиновия Компанейца),
- ✓ «Нашим братьям» (музыка Ференца Сабо),
- ✓ «Олеся» (музыка Евгения Жарковского),
- ✓ «Шумел Байкал» (музыка Зиновия Компанейца).

Произведения Джека Алтаузена:

- ✓ Повесть об отпусчнике Артёме, кулаке Бурьянове и Вихревском кооперативе (в соавторстве с Александром Ясным и Борисом Ковыневым).
- ✓ Отпусчник Артём (повесть в стихах, в соавторстве с Александром Ясным и Борисом Ковыневым)
- ✓ Ленинский наказ: Повесть в стихах (с А. Ясным и Б. Ковыневым).
- ✓ Повесть о капитане и китайчонке Лане (с Б. Ковыневым).
- ✓ Повесть о негритёнке (с Б. Ковыневым).
- ✓ Безусый энтузиаст (лирическая поэма).
- ✓ Ровесникам (стихи)

1. Евгений Долматовский. Джек Алтаузен

В ряду первых комсомольских поэтов он был младшим. Безыменский и Жаров, Светлов и Уткин начинали свой гражданский путь в первые годы революции. Алтаузен в поэме “Безусый энтузиаст” утверждал, что он рожден был с опозданием. Всего-то на каких-нибудь три — пять лет моложе он своих товарищей, комсомольских поэтов, но для тех времен это уже расстояние немалое. Ведь государство отсчитывало свое первое десятилетие, и значение имел каждый день. Перефразируя Александра Межирова, обратившегося к почти сверстнику со словами: “Я старше тебя на Отечественную войну”, — можно сказать, что первые комсомольские поэты были старше Алтаузена на гражданскую войну.

Яков Моисеевич Алтаузен родился в 1907 году. Бури той эпохи занесли мальчишку, сына рабочего с Ленских приисков, из Восточной Сибири в Китай. Трудовую жизнь начинал оторвавшийся от родины мальчик в Харбине и Шанхае. Он работал “боем” на пароходе линии Шанхай — Гонконг.

Его переименовали из Якова в Джека — так это английское имя и закрепилось за ним и несколько позже обрусело в комсомольской поэзии.

Четырнадцать лет от роду потерявшийся было на вздыбленных просторах мира, Яков, ставший Джеком, вновь нашелся. Ему удалось добраться из Харбина в Читу. Гражданская война только что закончилась в Забайкалье — вот оно, то опоздание, о котором мы не раз прочитаем потом в стихах Алтаузена.

Джек Алтаузен встретился в Чите с начинающим комсомольским поэтом Иосифом Уткиным, одоббившим первые стихи юноши, после долгих скитаний вновь обретшего Родину. Дружба этих двух поэтов продолжалась почти двадцать лет...

Нельзя сказать, что современный читатель хорошо знает поэзию Джека Алтаузена. Он принадлежит к числу поэтов полузабытых. Трудно говорить эти жестокие слова. Ведь все-таки творчество его занимает определенное место в истории советской поэзии, имеет право и достойно того, чтобы новые поколения читателей его знали.

Итак, начало литературного пути Джека Алтаузена — это середина двадцатых годов.

Размашистые и горячие стихи отражали взгляды и переживания своих сверстников, и прежде всего — страстное желание шагать в ногу с невиданной эпохой восстановления и созидания.

Плацдармом, на котором разворачивались стихотворные взводы Алтаузена, были страницы “Комсомольской правды” и молодежных журналов. Обладавший незаурядным ораторским даром, Алтаузен успешно развивал Маяковскую традицию устного общения с читателями, был любимцем молодежных аудиторий. Поэты “Комсомольской правды” (и ее работники — как говорится, аппаратные,— одним из них был Алтаузен) считали себя последователями и младшими сотоварищами самого активного “комсоправдиста” Владимира Маяковского. Они учились у него и выступать, говорить с читателем, встречаться с ним — лицом к лицу.

Из всех современников, пожалуй, ближе всех Алтаузену — Эдуард Багрицкий. Джек остро воспринимал его романтическую поэзию и сам, несомненно, был романтиком, но не любил, когда его так называли.

Героические, глубоко драматичные события гражданской войны стали главным материалом его стихов и баллад.

Лучшим из произведений этого рода мне кажется “Баллада о четырех братьях”. Она начинается традиционно, как сказка или былина — было у матери четыре сына... В романтически приподнятом рассказе разные судьбы сыновей. Один был робок и мечтателен, — пожалуй, эта робость и стала причиной его ранней гибели. Другой оказался в стане врагов и погиб, быть может, от руки брата... Третий пал в бою под Варшавой. Близко к мотивам народных легенд возвращение единственного оставшегося в живых сына в родительский дом.

В том же ключе написаны и другие баллады того раннего периода. Не участвовавший в гражданской войне юный мечтатель рисует в своем воображении картины народной борьбы. Дела и думы своего ровесника поэт проверяет мужеством старших. Героика недавнего прошлого становится школой поведения, наставлением к формированию характера. Иногда поэт срывается с высокой ноты, почувствовав это — пишет в свой адрес насмешливые строки, впрочем, только усугубляющие разрыв между теми, кто успел действовать, и теми, кому остается лишь мечтать о подвигах.

Долго не мог Джек Алтаузен расстаться с ощущением, что он опоздал родиться, не причастен лично к героической поре. С легкой иронией, скрывавшей острую досаду, поэт писал:

Ни в каких боях я не был,
И никто меня не ждал.

Эта досада особенно выпукло и декларативно выражена в поэме “Безусый энтузиаст”, поэме—монологе, вызвавшей бурный отклик среди читателей. Поэму обсуждали на комсомольских собраниях, тогда о ней много писали в газетах и журналах.

Говорили о том, что романтический пафос и уж тем более самобичевание юного героя — бесплодны. В терминологии тех лет особенно часто мелькала характеристика “мелкобуржуазный”. Не миновала она и оценки героя “Безусого энтузиаста”.

Однако, перечитывая поэму ныне, когда критические страсти давно остыли, я вижу в метаниях и поисках “Безусого энтузиаста” отражение умонастроений молодежи двадцатых годов и чистое, благородное стремление быть достойной подвига тех, кто участвовал в великих исторических событиях.

Поэма вышла в свет в 1928 году. У всех на памяти был нелегкий период нэпа. Наступала эпоха пятилеток, эпоха коллективизации, грандиозных преобразований и дел, в которых молодые романтики нашли выход для своей бродящей, как первое вино, энергии.

Возвышенное, несколько экзальтированное восприятие окружающей действительности характерно и для тех поэм и стихов Джека Алтаузена, в которых его излюбленный герой — безусый энтузиаст — приобщался к новым романтическим временам.

Мы первое
Такое поколение,
В котором
Все готово на борьбу, —

восклидал Алтаузен, забыв о своих же недавних огорчениях по поводу того, что его герой принадлежит не к первому поколению, а ко второму. Алтаузен искал себе место в первом поколении, а нашел его во втором. Его обновленный герой, кажется, даже несколько моложе автора:

Я тот,
Который
В первой пятилетке
Впервые
Девушку поцеловал.

Плодотворным было для Джека Алтаузена предвоенное десятилетие. Лирическая поэма “Первое поколение” перекликается с “Комсомолией” Александра Безыменского. Поэт уже в то время широко известный, Джек Алтаузен надевает рабочую спецовку и отправляется на станкостроительный завод “Красный пролетарий”. Он становится к токарному станку. Этот, несколько наивный, но очень искренний шаг был сделан Алтаузенем по собственному почину, никто не посылал его “в люди”. Можно вспомнить, что примерно в те же времена на Электrozаводе работал Илья Сельвинский (он выпустил стихотворную “Электrozаводскую газету” и написал поэму “Как делается лампочка”). Безыменский “прикрепился” к Метрострою, участвовал в выездной редакции “Комсомольской правды”, как несколько раньше действовал на Днепрострое.

Иронические скептики и мастера эпиграммы не жалели чернил, чтоб изобразить это “движение” поэтов тридцатых годов в самых насмешливых тонах. Но не лучше ли запомнить, что поэты искали свое место в рабочем строю, хотели “стать с эпохой во фланг и рост” (это слова [Уткина](#)). Их поступки были движением души, отнюдь не позой. Никто их не “направлял” на заводы, никто им ничего не приказывал и не указывал.

Плодотворно ли было “хождение в рабочий класс” для Джека Алтаузена? Ответом на этот вопрос является поэма “Первое поколение”, в которой безусый энтузиаст предстал перед читателем уже в ином облике и ином настроении. Нельзя не учитывать и того, что на “Красном пролетарии” поэт встречался с теми, кого знал и прежде, с кем общался постоянно. Он и раньше не был небожителем, ему не пришлось “снисходить” в цех с высот Олимпа, он просто искал точный адрес своего рабочего места.

Его деятельность тех времен — это десятки разных “нагрузок”, Он был популярен в читательских кругах, молод, энергичен, отзывчив. Допустим, цех завода “Красный пролетарий” был его увлечением. Но поэма все-таки получилась, — значит, увлечение было поэтическим.

В конце тридцатых годов поэт активно работал над песнями. Очень популярна была “Полярная песня”. Его песня “Шумел Байкал” ныне записана фольклористами как

народная. Не случайно одно из стихотворений тех лет посвящено В. И. Лебедеву-Кумачу, лучшему “песеннику” тех времен. В этом стихотворении поэт говорит:

Пуškai, друзья, мы не были цветами,
Но были мы рассадой цветов...

С горечью перечитывая эти строки, я думаю о их справедливой прямоте, о беспощадном определении своего места в поэзии.

Когда в 1939 году вспыхнула война с белофиннами, Джек Алтаузен одним из первых подал заявление в Наркомат обороны. Он писал, что готов немедленно выехать для работы в печати действующей армии или в войсках как политрук. Разрешение он получил лишь в марте 1940 года и прибыл на Карельский перешеек, когда война уже заканчивалась.

В 1940 году Алтаузен пишет поэму “Пробуждение героя”, добавляя в скобках к заголовку — “Романтическая легенда”. Это легенда о судьбах братьев на гражданской войне. Поэма отлично исполнена и, быть может, по технике — наиболее совершенное произведение Алтаузена, но мне кажется, что она является попыткой повторить удачу “Баллады о четырех братьях”. Такого рода опыты в поэзии чрезвычайно неплодотворны, почти никогда не могут они вернуть успех.

Обостренное чувство родины характерно для нашей поэзии предвоенной поры. Его можно ощутить и в творчестве Джека Алтаузена. Особое внимание обращает песня “До Бразилии можешь дойти...”. Сейчас эта тема многократно использована, но тогда, в 1940 году, строки:

Возле пальмы под Венесуэлой
Будешь бредить березкою белой,
Что растет на смоленской земле...—

звучали как откровение.

Двадцать второго июня 1941 года Алтаузен вновь обратился к наркому обороны с просьбой об отправке его на фронт. В звании старшего политрука он выехал на Юго—Западное направление в редакцию газеты 12—й армии “для выполнения специального задания”, как было сказано в командировочном предписании.

До обидных мало фронтовых стихов Джека Алтаузена сохранилось. Редакция, в которой он работал, отступала от границы на восток на машинах, в первые месяцы войны не раз горела, попадала в окружение, подвергалась бомбежке, уничтожалась и вновь возникала из пепла. Военные журналисты печатали газету и в своей “автолетучке”, и на плоских машинах районных типографий. Не все газеты сохранились, особенно номера, относящиеся к 1941 году.

А писал Алтаузен в те времена очень щедро, печатался почти ежедневно: стихи, статьи, заметки — все, что было нужно для газеты. В конце июля 1941 года, когда мы встретились в Умани, Джек прочитал мне не менее двух десятков стихотворений. Были среди них произведения большой силы: я до сих пор вижу их образы, хотя, увы, не запомнил строк. Поэт говорил о том, что надо бы послать стихи в Москву, да некогда. (Замечу кстати, что из Умани отправить письмо было уже трудновато — вот—вот должно было сомкнуться кольцо окружения. Оно и сомкнулось в последние дни июля, Джек с группой товарищей едва успел прорваться в сторону Днепропетровска.)

Из стихов той поры сохранилось “Письмо от жены”.

Обо всем мне жена написала

И в конце, вместо слов о любви,
Вместо “крепко целую”, стояло:
“Ты смотри, мой хороший, живи!..”

Стихотворение это кажется сейчас простоватым, но тогда оно очень нужно было людям. Оно переписывалось от руки, его посылали в треугольных конвертах на фронт и с фронта. Чем-то близко это стихотворение таким популярным песням тех времен, как “Синий платочек” и “Давай закурим”. Стихи—письма — это был правильно и точно выбранный поэтом жанр для солдатской газеты, А может быть, и вернее всего, не поэт выбрал жанр, а жанр выбрал поэта, и произошло это по необходимости, по обстоятельствам и обстановке, ну и, само собой разумеется, по велению сердца. Алтаузен был всегда очень искренен, душа его была обнажена перед людьми.

Его фронтовая лирика очень типична для поэзии начала войны: несколько сентиментальные строки вдруг обретают холодную, зрелую строгость и любовь к близким оборачивается ненавистью к врагу.

Популярность Джека Алтаузена в 12-й армии Юго-Западного направления была необычайной. Его знали все красноармейцы и командиры, — я говорю это без всякого преувеличения. Его замечательные ораторские способности пригодились в трудные для родины дни — он выступал с речами и стихами там, где это было возможно.

К 25-летию Октябрьской революции он — первым из поэтов на Великой Отечественной — был награжден орденом Красного Знамени. Военный совет армии специально заседал с необычной повесткой — заслушивались стихи и обсуждалась работа армейского поэта.

В его творческих планах была поэма о защитниках Перемышля, о заставе, погибшей в боевом строю. Никто не отступил, лишь гибель всех пограничников дала врагу возможность перейти рубеж. Мы узнали об этом тогда же, Джек зажегся героической историей. Досадно, что не сохранилось даже набросков поэмы.

В 1942 году страницу армейской газеты заняла поэма Алтаузена “Кутлинцы” (Кутлин — генерал, командир дивизии, отличившейся в зимних боях южнее Харькова). Поэма была гордостью бойцов дивизии. Ныне она стала документом, при помощи которого один из пионерских отрядов Татарии собирает материалы о подвигах своих земляков (дивизия формировалась под Казанью).

Скептик может меня спросить: к чему эти фронтовые воспоминания и какое отношение имеют они к поэзии? Отвечу — самое непосредственное. И поэзия, и история литературы вправе гордиться подвигом поэта, — а его работа на фронте, конечно же, была подвигом.

Двадцать пятого мая 1942 года Джек Алтаузен, участвуя в неудавшемся наступлении в районе Изюм — Барвенково — Лозовая, погиб. По свидетельству товарищей, вырвавшихся несколько позже из образовавшегося кольца, поэт был раздавлен фашистским танком.

Трагическое было наступление, и лишь один редакционный самолет У-2 выскочил из той мясорубки. Прилетел на нем мой товарищ, работник фронтовой газеты, которому редактор радиogramмой приказал срочно вернуться. Он рассказал, что Алтаузену было предложено место в этом последнем и единственном самолете. Джек ответил:

— Я в своей части, мне надлежит разделить судьбу всех.

Так закончилась эта короткая и красивая жизнь поэта, очень крепко связанного со своим временем. С горечью думаю я о том, что Алтаузен не успел по—настоящему

раскрыться. Да, был популярен, известен, но лишь набирал силу и сам остро чувствовал несовершенство своей поэзии. Его постоянно сопровождали беспокойство, неудовлетворенность сделанным, надежда на будущее.

Мы знаем его стихи за пятнадцать лет работы. В наше время стихотворец в первые пятнадцать лет своей деятельности именуется молодым поэтом, а то и начинающим. Алтаузен творил, когда общество наше было еще моложе, но поэты рано считались взрослыми.

В творчестве комсомольского поэта Джека Алтаузена мы найдем драгоценные крупинки времени, первой четверти советского века. А в судьбе его и гибели — свидетельство верности высоким идеям Революции. Вот почему мы не вправе забыть этого поэта.

При составлении использованы материалы с сайтов:

- ✓ <https://www.livelib.ru/author/395280-dzhek-yakov-altauzen>
- ✓ <http://memorial.kharkov.ua/Nadejdovka>
- ✓ <http://irkipedia.ru/node/5284/talk>